ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА
3 АПР 1974

Василий КАМЕНСКИЙ

О МАЯКОВСКОМ

Осенью 1940 года Каменский предложил издательству «Советский писатель» выпустить вторым изданием его мемуарную книгу «Жизнь с Маяковским», впервые изданную к десятилетию со дня смерти великого поэта.

Для нового издания Каменский предполагал внести в текст воспоминаний ряд дополнений. Однако ухудшавшееся состояние здоровья помешало поэту завершить эту работу. Сохранилось только два написанных им куска. Первая запись посвящена избранию «короля поэтов». В ней содержится ряд любопытных подробностей, неизвестных биографам Маяковского.

«В двадцатых числах февраля 1918 г. в Москве были расклеены афиши, возвещающие об избрании «короля поэтов».

В день «избрания» 27 февраля на улицах щедро раздавались летучки с призывом: «Граждане, выбирайте короля поэтов!».

В афишах и летучках было напечатано, что в избрании примут участие В. Маяковский, Игорь Северянин, В. Брюсов, К. Бальмонт, Д. Бурлюк, В. Каменский, Андрей Белый, Б. Пастернак и др.

Интерес к этому делу был огромный, хотя это и являлось просто коммерческим предприятием одного известного антрепренера. Каждый купивший билет имел право получить избирательную карточку, на которой и должен был написать имя желаемого «короля поэтов».

Всем было ясно, что главными претендентами на «королевский престол поэзии» являются Владимир Маяковский и Игорь Северянин, как самые популярные и знаменитые.

Вокруг этих двух претендентов и началась сразу же отчаянная борьба.

Надо сказать, что отношение нашей группы к Игорю Северянину резко изменилось. В то время, когда наша группа во главе с Маяковским стала активно работать с новой советской властью, Игорь Северянин отошел в сторону и замолчал...

Мы превосходно понимали всю никчемность северянинской, парфюмерной, легкомысленной, пустой, как мыльный пузырь, поэзии, ушедшей со старым строем навсегда.

Однако успех Северянина был громадный среди буржуазной публики, и его «поэзоконцерты» шли при битковых сборах всюду. Это «битковое» обстоятельство и имел в виду антрепренер, который организовал избрание «короля поэтов», заранее зная, что «королем» будет именно Игорь Северянин и что после «избрания» он повезет «короля» по городам и наживет хорошие деньги. А для достижения этой цели ловкий антрепренер заготовил двести три сотни карточек с именем Игоря Северянина и заранее рассовал их по железным кружкам, поручив собирать голоса своим же служащим (от которых мы и узнали об этой махинации).

Когда жюри, подсчитав карточки, объявило «королем поэтов» Игоря Северянина, Маяковский, наблюдавший за подсчетной работой, вскочил на стол и заявил:

— Избрание жульническое. Почти на всех карточках имя Северянина написано одной полуграмотной лапой. К черту Северянина! Долой!

Поднялся невообразимый скандал. Северянин крикнул:

— Зависть Маяковского не имеет границ!

Под общий хохот Маяковский, не сходя со стола, сказал Северянину:

— Онегин, вы больше мне не друг.

И, действительно, это была наша последняя встреча с Северяниным — полный разрыв, давно подготовленный принципиальным расхождением во взглядах на творческие цели поэзии».

***

Вторая мемуарная запись Каменского посвящена фильму Маяковского «Не для денег родившийся», поставленному в апреле 1918 года.

Как известно, ни сценарий фильма, ни фильм не сохранились. Тем большую ценность приобретают публикуемые ниже воспоминания.

«У меня сохранился тот самый экземпляр «Мартина Идена», который долгое время носил в кармане брюк Маяковский. Это им же обтрепанная, пухлая, малого формата книжка типа дешевого издания «Универсальной библиотеки».

Маяковский фантазировал на разные лады, желая во что бы то ни стало когда-нибудь сыграть в кино роль Мартина Идена. Он утверждал, что именно этот образ близок ему и походит на его судьбу поэта. Ему не нравился только самый конец любимого романа, и он придумывал свои окончания. Это привело и к другим вариациям. В конце концов роман Джека Лондона преобразился в новую форму сценария.

Маяковский довольно долго возился с этой работой. Не забыть, как он несколько раз приглашал меня и Бурлюка на Тверской бульвар и, усадив нас на скамейку, начинал репетировать героя своего сценария. Это был уже не Мартин Иден, а Иван Нов — молодой, непризнанный, бедный поэт, обладающий закаленной физической силой и динамической волей к утверждению жизни.

В качестве своих друзей (по кинороману) он пригласил нас. Для этого он ввел сцену «В кафе поэтов», где мы должны были писать свои стихи мелом на черной стене. Я был одет в длинную полосатую бухарскую блузу. Читал стихи и писал мелом на стене из поэмы «Степан Разин»:

Сарынь на кичку...

Сцену в кафе режиссировал сам Маяковский. И то, как он режиссировал, тоже было заснято кинооператором.

Роль Ивана Нова Маяковский исполнял, по-моему, блестяще и был очень красив в смысле фотогеничности.

Сюжет был такой: Иван Нов спасает молодого человека от бандитов. Начинается бурная любовь к его сестре-красавице. Любовь непризнанного бедного поэта требует, чтобы он устроился на службу и стал, как все «порядочные». В результате, после всяческих мучений — разрыв.

И вдруг начинается признание поэта-новатора. В его убогую конуру с подвешенным к потолку велосипедом приходит юркий, пронырливый рецензент, ранее пакостивший Ивану Нову.

Иван Нов и его друг кладут газетного пошляка на колени и отшлепывают.

Затем Иван Нов гордо выступает на собрании бородачей-пушкинистов. И случайно, по своей неловкости, сталкивает на пол гипсовый бюст Пушкина. Скандал. Ивана Нова объявляют сумасшедшим. Он бежит в кафе поэтов, к друзьям.

Здесь мы объявляем его гением, своим главарем и в честь его пишем на стенах стихи, а также читаем поэмы о пришествии революции и свободы. Иван Нов аршинными буквами пишет на стене:

Сердце — наш барабан.

Поэт получает всеобщее признание.

Успех. Слава. Деньги. Преклонение. Девушки выстраиваются на большой лестнице, чтобы получить автограф нового гения. И появляется она, предлагая вечную любовь.

Но Маяковский создал своего Идена, не того, сломленного «под тяжестью хлынувшего золота», а другого, могучего, «не для денег родившегося».

Иван Нов покупает скелет, кладет его на кровать, обливает свою богатую квартиру керосином, поджигает и, переодевшись в простую блузу рабочего, твердой, уверенной поступью уходит в дальнюю дорогу будущего».

В. Каменский. Рисунок В. Маяковского. 1918 г.

Исполняется 90 лет со дня рождения Василия Васильевича Каменского.

В каждой антологии советской поэзии мы уже давно привыкли находить «привольные» строки из замечательной поэмы Василия Каменского «Степан Разин». Именно в ней с наибольшей полнотой выразились те качества таланта поэта, которые позволили М. Горькому назвать его «своеобразнейшим писателем», автором «отличных» стихов, человеком «со своим лицом».

Василий Васильевич Каменский (1884 — 1961) прожил разнообразную жизнь — работал конторщиком и актером в труппе В. Мейерхольда, таксировщиком на товарной станции и был одним из первых русских летчиков. С 1908 года он вошел в литературу и, по свидетельству А. В. Луначарского, «стал известен и Владимиру Ильичу, которому его поэзия нравилась». В 1913 — 1914 годах вместе с Маяковским Каменский выступал с чтением лекций, докладов и стихов во многих городах России и с того времени долгие годы был связан со своим великим современником узами истинного товарищества.

Восторженно приветствовав Октябрьскую революцию как провозвестницу нового строя жизни, Каменский нечетко представлял ее истинные цели, политическое и социальное содержание. Излишнее увлечение ее стихийным началом определило идейную концепцию и своеобразие художественной ткани некоторых его произведений, основанных на событиях русской истории. Однако искренность поэтического голоса, музыкальное чувство слова и ритма, подлинно оптимистическое мироощущение сделали творчество этого поэта-энтузиаста одной из ярких страниц нашей литературы.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей материалы, которые сохранились в архиве С. А. Семеновой-Грид. Публикация и комментарии Н. Харджиева.

Из рисунков В. Каменского. «Охота». Начало 1950-х годов. Публикуется впервые.

«СТАРАЮСЬ БЫТЬ НЕИЗМЕННЫМ ПОЭТОМ ЖИЗНИ»

Впервые публикуемые отрывки из писем Василия Каменского адресованы одному из его ближайших друзей, литературоведу Т. С. Грицу, в то время офицеру Советской Армии, сотруднику фронтовой газеты «Уничтожим врага!». Самое раннее из этих писем, датированное 5 июля 1942 года, относится к начальному периоду болезни Каменского, впоследствии на долгие годы приковавшей его к постели. Посылая контуженному другу «боевой привет», поэт сообщает о своей текущей работе:

«...В последний месяц этот я невероятно был занят в Перми, где бывший Мариинский театр сейчас к 25-летию Советской власти ставит моего «Емельяна Пугачева».

Весь мой стихотворный текст новый. ...Мои стихи гремят всюду, на репетициях, в фойе, в классах, на сцене. Весь дом театра наполнен моей звучащей поэзией. Театр работает без перерыва, и это для Перми — важный праздник культуры...

А как подумаешь иной раз, что мне уже почти 60 лет — страшно становится, так как многие в эти годы живут в покое... Ну, ничего, — некому мне жаловаться и никому нет дела до моей судьбы, до моих плохих ног... Дух поэта еще могуч, и все еще живут в душе надежды и какие-то веселые проекты...».

В основу либретто оперы «Емельян Пугачев» была положена одноименная поэма Каменского, изданная в 1931 году. Через семь лет композитор М. Коваль написал на текст поэмы ораторию, а затем и оперу, впервые поставленную в Перми Ленинградским академическим театром оперы и балета.

В начале 1943 года тяжелобольной поэт уехал в Тбилиси, где ему была ампутирована левая нога. После «полугодового лежания» в Тбилиси он писал (1 июля 1943 года):

«...Отсутствие ноги меняет все, весь организм и образ жизни... Одно хоть украшает — это замечательное признание меня как поэта Урала и Камы, то есть признание дома, на Родине. Это вроде чуда. Прежде не зря говорили: «Нет пророка в отечестве своем». А вот со мной получилось обратное. И поэтому мое счастье поэта безгранично...»

По окончании работы над оперным либретто «Емельян Пугачев» Каменский приступил к работе над драматической поэмой «Ермак Тимофеевич». В январе 1944 года Каменскому (находившемуся в пермской больнице) было предложено разработать ту же фабулу и в оперном либретто. 20 января он писал своему другу (демобилизованному после тяжелого ранения):

«...Театр оперы... торопит меня вполне закончить либретто в стихах «Ермак Тимофеевич». На днях будет первая официальная читка (у меня в больнице)... Желают заключить договор и вызывают сюда Коваля...

А либретто выходит очень ярко, живописно, театрально... Особенно все восхищаются лирической сценой 2-го действия: «Прощание Ермака с Любашей Строгановой».

Я выдумал Ермаку тайную невесту-лебедь — Любашу, ибо без любви не будет интереса, да и нельзя иначе. Да так это, пожалуй, и было — чутьем и знанием дела беру. И я очень трогательно написал эту сцену...».

Лежа в больнице, поэт не прерывал своей творческой работы. Но он очень тосковал по любимой пермской природе. Страстный охотник, он с грустным юмором писал в феврале 1944 года о приближающейся весне своему другу, с которым часто бродил по пермским лесам:

«...Я пишу, скажем главное, — Ермак Тимофеевич, а параллельно делаю еще 3—4 работы...

Через месяц прилетит первая дичь — грачи. Пусть скатывается февраль. Противный, окаянный месяц: в этом свирепом — в прошлом году у меня отрезали ногу в Тбилиси.

Охотники уже заранее волнуются, обнюхивают воздух и воспоминания. Ох, хорошая, сочная пора накатывается. А ты, охотник, что чуешь? Приглашаю тебя на тягу — мою любимую охоту...

Словом, постараюсь не унывать (хоть мне и трудно работать), а иначе совсем тяжко».

25 сентября 1944 года поэту ампутировали и вторую ногу. Но его жизнелюбие и сила духа были несокрушимы. 16 декабря он писал:

«...Верю, что 1945 год принесет нам желаемую победу и всем станет хорошо жить на земле миролюбивой...

...Пусть я жестоко физически пострадал и мое горе искалеченного непоправимо — что делать? Я стараюсь быть тем же неизменным поэтом жизни, каким был всегда. Это выше личной печали. И не для себя я работал и вдохновлял всех вокруг, а для народа Родины.

Мне не легко работать, писать в больнице (бóльшую часть пишу на коленях), но все же это легче и интереснее, чем не работать и думать о своей странной судьбе. Ведь 2-й год лежу, не вставая.

Вот обещают сделать второй протез и тогда будут учить ходить».

Ранней весной 1945 года поэт вернулся в село Троицу (его постоянное местожительство). Отсюда он писал:

«...Я давно уже дома — в царстве сказочного мира природы (перевезли меня из Перми в Троицу на катере — это было дивное путешествие)...

...Ну, а тут хоть и тяжко мучиться, но в минуты облегчения, когда принимаешь наркотические (раз в день или два) все становится чудом видения, гениальным для глаз, для слуха, для души.

Вот смотришь в открытую дверь балкона и видишь весь праздник природы, слышишь птиц, уток, петухов, конский колокол в лугах, лай собак. И все это в редких порциях, среди владычества изумрудной тишины. И за горизонтами — необъятная, чудотворная, непостижимая Россия. Вот диво!

В эти победоносные дни уже совсем стыдно болеть. Хочется работать, жить, делать что-то большое, интересное, яркое».

Этим славословием весенней природе в победоносные дни 1945 года и завершается цикл писем «поэта жизни»,